

Римский-Корсаков Николай Андреевич

**Летопись моей музыкальной
жизни 1844-1906**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Андреевич Р.**
Летопись моей музыкальной жизни 1844-1906 / Римский-Корсаков Николай
Андреевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 381 с.

ISBN 978-5-519-80722-7

ISBN 978-5-519-80722-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Лѣтопись моей музыкальной жизни“ оправдывает свое названіе. Дѣйствительно, какъ автобіографія къ настоящему значенію этого слова, она не можетъ удовлетворить вполне; въ ней Николай Андреевичъ говоритъ главнымъ образомъ, даже почти исключительно (кромя главы о заграничномъ плаваньи) о событіяхъ своей музыкальной жизни. Но даже и музыкальная жизнь мѣстами изложена недостаточно подробно, что особенно замѣтно въ концѣ „Лѣтописи“. Уже начиная со второй половины 90-хъ годовъ изложеніе становится чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе сжатымъ, какъ будто Н. А. спѣшилъ окончить свой трудъ къ положенному сроку. Тѣмъ не менѣе „Лѣтопись“ представляетъ очень цѣнный біографическій матеріалъ, что и побудило меня поспѣшить выпустить ее въ свѣтъ.

Приготовляя къ печати „Лѣтопись моей музыкальной жизни“, я руководилась тѣмъ, что при жизни Н. А. не разъ высказывалъ, а именно: при изданіи послѣ его смерти „Лѣтописи“ во первыхъ сдѣлать нѣкоторыя необходимыя въ данное время сокращенія; во вторыхъ сгладить мѣстами слогъ; въ третьихъ проверить нѣкоторыя числовыя данныя, не вполне точно установленныя. Благодаря любезному содѣйствію В. В. Ястребцева числовыя данныя по возможности проверены мною. Кромѣ того для удобства читателя мною сдѣлано раздѣленіе на главы. Въ подлинной рукописи такого раздѣленія нѣтъ, но есть мѣстами на поляхъ обозначенія содержанія, которыми я и поль-

зовалась для обозначенія содержанія главъ; тамъ же, гдѣ никакихъ обозначеній на поляхъ не было, приходилось ихъ дѣлать самой.

Встрѣчающіяся въ „Лѣтописи“ откровенныя и строгія сужденія о нѣкоторыхъ умершихъ и нынѣ живущихъ дѣятеляхъ, какъ мнѣ кажется, не могутъ никого оскорбить въ силу того, что Н. А. одинаково, если не болѣе откровенно и строго судить и о себѣ, о своихъ поступкахъ и музыкальныхъ сочиненіяхъ.

„Лѣтопись“ писалась въ разные годы, иногда съ большими перерывами; напр. окончаніе лѣта 1893 года въ Лѣтѣ написано черезъ десять лѣтъ послѣ описанія его начала и середины. Всѣ означенные въ рукописи года и мѣсяцы помѣщены мною въ выноскахъ въ томъ порядкѣ, какъ они находятся въ рукописи; слѣдуетъ замѣтить, что иногда долго не встрѣчается помѣтокъ ни года, ни мѣсяца.

„Лѣтопись“ доведена до августа 1906 года. Въ послѣднихъ строкахъ ея, исполненныхъ какой-то затаенной грусти, говорится о дневникѣ, за который намѣревался приняться Н. А. Но это намѣренье такъ и осталось невыполненнымъ. Нашлось въ переплетеной толстой тетради шесть замѣтокъ: четыре отъ 1904 года и двѣ отъ 1907. Въ первой замѣткѣ отъ 5-го марта 1904 года, которую я привожу здѣсь цѣликомъ, говорится: „Я нѣсколько разъ въ теченіе послѣднихъ 15-ти лѣтъ собирался начать свой дневникъ, но постоянно откладывалъ и откладывалъ. Въ настоящее время думалъ начать его съ 1-го января этого года, но и на этотъ разъ не собрался. Наконецъ твердо рѣшилъ приняться за него съ 6-го марта, когда мнѣ стукнетъ 60. Сегодня, наканунѣ сего событія, вкратцѣ изложу все, случившееся въ моей музыкальной жизни съ начала нынѣшняго года, а съ завтрашняго дня поведу свою лѣтопись въ видѣ дневника“. Послѣ этой замѣтки идетъ изложеніе событий музыкальной жизни, начиная съ января 1904 года, ко-

торыя описаны и въ „Лѣтописи“, а черезъ нѣсколько страницъ сдѣлана надпись: „Дневникъ“, послѣ которой помѣщены двѣ замѣтки отъ 6-го и 9-го марта того же года. На другой сторонѣ той же тетради нашлись еще двѣ небольшія замѣтки отъ 28-го и 29-го ноября 1907 года и болѣе ничего.

Такимъ образомъ послѣдніе полтора года жизни совершенно не затронуты Николаемъ Андреевичемъ. Сочиненіе „Золотого Пѣтушка“, постановка „Китежа“ на Марининской сценѣ и поѣздка въ Парижъ весною 1907 года нигдѣ не упомянуты. Почему онъ не описалъ этихъ интересныхъ событій своей музыкальной жизни—неизвѣстно. Я думаю это можно объяснить тѣмъ, что, пока Н. А. сочинялъ „Золотого Пѣтушка“, онъ былъ, какъ и всегда, поглощенъ сочиненіемъ, отдавался ему вполне и не могъ уже заниматься чѣмъ-либо другимъ. Вся его „Лѣтопись“ написана въ промежуткахъ между музыкальными сочиненіями. А когда работа надъ „Золотымъ Пѣтушкомъ“ окончилась, стала уже подкрадываться болѣзнь; съ нею постепенно уменьшалось прежнее бодрое и жизнерадостное настроеніе и не было больше охоты вести свою „Лѣтопись“. Съ декабря 1907 года болѣзнь уже сильно давала себя чувствовать, отдышка мѣшала скорой ходьбѣ, чувство утомленія мѣшало занятіямъ, наконецъ все это привело къ припадкамъ удушья въ апрѣлѣ и къ смерти 8 іюня 1908 года.

И. Римская-Корсакова.

С.-Петербургъ.
12 января 1909 года.

ГЛАВА I.

1844—56.

Дѣтскіе годы въ Тихвинѣ. Первыя проявленія музыкальныхъ способностей. Занятіе музыкой. Чтеніе. Влеченіе къ морю и морскому дѣлу. Первыя попытки сочиненія. Отъѣздъ въ Петербургъ.

Я родился въ городѣ Тихвинѣ 6 марта 1844 года. Отецъ мой уже задолго передъ тѣмъ былъ въ отставкѣ и жилъ въ собственномъ домѣ съ матерью моею и дядею (братомъ отца) Петромъ Петровичемъ Римскимъ-Корсаковымъ. Домъ нашъ стоялъ почти на краю города, на берегу Тихвинки, на другой сторонѣ которой, противъ насъ, находился тихвинскій мужской монастырь.

Въ первый же годъ моего существованія родители мои ѣздили на нѣкоторое время въ Петербургъ къ брату отца моего, Николаю Петровичу Римскому-Корсакову, и брали меня съ собою. По возвращеніи ихъ оттуда я жилъ въ Тихвинѣ уже безвыѣздно до 1856 года.

Я съ ранняго дѣтства выказывалъ музыкальныя способности. У насъ было старое фортепьяно; отецъ мой игралъ по слуху довольно порядочно, хотя и не особенно бѣгло. Въ репертуарѣ его были нѣкоторые мотивы изъ оперъ его времени; такъ я припоминаю: извѣстный романсъ изъ „Іосифа“, арію (*di tanti palpiti*) изъ „Танкреда“, похоронный маршъ изъ „Весталки“, арію Папагены изъ „Волшебной флейты“. Отецъ мой часто пѣвалъ, аккомпанируя себѣ самъ. Вокальными піесами его были большею частью какіе-то правоучительные стихи; такъ, напр., я помню слѣдующіе:

«О вы, которые хотите
«Читаньемъ просвѣщать умы,
«Безъ пользы многихъ книгъ не читите,
«Остерегайтесь большей тьмы.

Подобные стихи пѣлись имъ на мелодіи изъ разныхъ старыхъ оперъ. По рассказамъ отца и матери дядя мой съ отцовской стороны, Павелъ Петровичъ, обладалъ огромными музыкальными способностями и прекрасно и бѣгло игралъ по слуху (не зная нотъ) цѣлыя увертюры и другія піесы. Отецъ мой, кажется, не обладалъ такими блестящими способностями, но, во всякомъ случаѣ, имѣлъ хорошій слухъ и недурную память и игралъ чисто. У матери слухъ былъ тоже очень хорошій. Интересенъ слѣдующій фактъ: она имѣла привычку пѣть все, что помнила, гораздо медленнѣе чѣмъ слѣдовало; такъ, напр., мелодію „Какъ мать убили“ она пѣла всегда въ темпѣ *Adagio*. Упоминаю объ этомъ потому, что, какъ мнѣ кажется, это свойство ея натуры отзывалось на мнѣ. Мать въ молодости училась играть на фортепьяно, но потомъ бросила и на моей памяти уже никогда ничего не играла.

Первые признаки музыкальных способностей сказались очень рано во мнѣ. Еще мнѣ не было двухъ лѣтъ, какъ я уже хорошо различалъ всѣ мелодіи, которыя мнѣ пѣла мать; затѣмъ трехъ или четырехъ лѣтъ я отлично билъ въ игрушечный барабанъ въ тактъ, когда отецъ игралъ на фортепьяно. Отецъ часто нарочно внезапно мѣнялъ темпъ и ритмъ, и я сейчасъ же за нимъ слѣдовалъ. Вскорѣ потомъ я сталъ очень вѣрно напѣвать все, что игралъ отецъ, и часто пѣбалъ съ нимъ вмѣстѣ; затѣмъ и самъ началъ подбирать на фортепьяно слышанныя отъ него піесы съ гармоніей, а узнавъ названія нотъ, могъ изъ другой комнаты отличить и называть любой изъ тоновъ фортепьяно. Лѣтъ 6-ти меня начали учить игрѣ на фортепьяно. Взялась за это старая старушка, нѣкто Екатерина Николаевна Унковская, сосѣдка наша. Въ настоящую минуту я совершенно не могу судить ни о степени ея музыкальности, ни о томъ, какъ она сама играла, ни о методѣ ея преподаванія. Вѣроятно это все было крайне посредственно, по провинціальному. Однако я все-таки игралъ у нея гаммы, легкіе экзерсисы и какія-то піески. Помню, что игралъ я все это плохо, неаккуратно и былъ слабъ въ счетѣ.

Способности мои были прекрасны не только по отпущенію къ музыкѣ. Читать я выучился не учившись, просто шутя; память у меня была превосходная: я запоминалъ цѣлыя стра-

ницы изъ читаемаго мнѣ матерью наизусть слово въ слово; арифметику сталъ понимать очень быстро. Нельзя сказать, чтобъ я въ это время любилъ музыку; я ее терпѣлъ и учился довольно прилежно. Иногда, для забавы, пѣлъ и игралъ по своей охотѣ на фортепьяно; но не помню, чтобъ музыка дѣлала на меня въ то время сильное впечатлѣнiе. Можетъ быть, это по малой впечатлительности, а можетъ потому, что я въ то время еще не слыхалъ ничего, что могло бы дѣйствительно сдѣлать сильное впечатлѣнiе на ребенка.

Года черезъ полтора или два послѣ начала моихъ занятій съ Екатериной Николаевной, она уже отказалась давать мнѣ уроки, такъ какъ находила, что мнѣ нуженъ учитель лучше ея. Тогда меня начала учить гувернантка въ домѣ однихъ нашихъ хорошихъ знакомыхъ (семейства Фель)—Ольга Никитишна, по фамилии не помню. Не знаю, но мнѣ казалось, что она превосходно играла. Подъ ея руководствомъ я сдѣлалъ нѣкоторые успѣхи. Между пѣсами, которыя я у нея игралъ, были какія-то переложенiя Бейера изъ итальянскихъ оперъ, какая-то пѣса на мотивъ изъ балета Бургмиллера, а также соната Бетховена въ 4 руки (D dur), которая мнѣ нравилась. Помню, что я игралъ съ ней въ 4 руки между прочимъ попури Маркса на мотивы изъ „Пророка“ и „Diamants de la couronne“. Ольга Никитишна учила меня годъ или полтора, а послѣ нея я перешелъ къ ея ученицѣ — Ольгѣ Феликсовнѣ Фель, которая играла тоже довольно хорошо. Изъ пѣсѣ того времени я помню: увертюру „Отелло“ въ 2 руки (исполнялась въ гораздо болѣе медленномъ темпѣ, чѣмъ слѣдуетъ), скерцо A dur изъ сонаты Бетховена A dur op. 2., попури изъ „Гугенотовъ“ въ 2 руки, фантазію на мотивы изъ „Ритолетто“ (чья не помню, по легкая), фантазію на мотивы изъ „Zug und Zimmermann“, увертюру „Весталки“ въ 4 руки. Съ Ольгой Феликсовной я занимался года три, словомъ до 12-ти лѣтъ (1856 г.). Мнѣ казалось, что она играла довольно хорошо; но однажды меня поразила своей игрой дама (по фамилии не помню), прїѣзжавшая какъ-то въ Тихвинъ, которую я видѣлъ у Ольги Феликсовны; играла она „Si l'oiseau j'étais“. Лѣтъ 11-ти или 12-ти мнѣ случалось играть въ 4 руки и въ 8 рукъ у нашихъ знакомыхъ Калининскихъ. Я помню, что у нихъ тогда

бывалъ инженерный полковникъ Воробьевъ, который считался въ Тихвинѣ хорошимъ пьянистомъ. Мы играли увертюру „Отелло“ въ 8 рукъ. Изъ другой инструментальной музыки я ничего не слыхалъ въ Тихвинѣ; тамъ не было ни скрипачей, ни виолончелистовъ любителей. Тихвинскій балльный оркестръ состоялъ долгое время изъ скрипки, на которой выпиливали польки и кадрили нѣкій Николай, и бубна, въ который артистически билъ Кузьма—маляръ по профессіи и большой пьяница. Въ послѣдніе года появились евреи (скрипка, цимбалы и бубень), которые затмили Николая съ Кузьмой и сдѣлались модными музыкантами.

По части вокальной музыки я слыхалъ только одну тихвинскую барышню-Баранову, пѣвшую романсъ „Что ты спишь мужичокъ“; затѣмъ, кромѣ пѣнія моего отца, оставалась духовная музыка, т. е. пѣніе въ женскомъ и мужскомъ монастыряхъ. Въ женскомъ монастырѣ пѣли неважно, а въ мужскомъ, сколько помню, порядочно. Я любилъ нѣкоторые херувимскія и другія піесы Бортнянскаго; также его концерты „Слава въ вышнихъ“ и изъ простого пѣнія „Благослови душе моя“, „Кресту твоему“, „Свѣте тихій“ за всенощной. Церковное пѣніе, при красивой обстановкѣ архимандритскаго богослуженія, дѣлало на меня большее впечатлѣніе, чѣмъ свѣтская музыка, хотя я вообще не былъ впечатлительнымъ мальчикомъ. Изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ піесъ наибольшее наслажденіе мнѣ доставили—піесня сироты и дуэтъ изъ „Жизни за Царя“. Ноты эти были у насъ дома, и я однажды вздумалъ ихъ проиграть. Моя мать говорила тогда мнѣ, что это лучшее мѣсто изъ оперы. Она дурно помнила „Жизнь за Царя“, и не знаю даже, видѣла ли на сценѣ.

Дядя мой пѣлъ нѣсколько прекрасныхъ русскихъ піесенъ: „Шарлатарла изъ цартарлы“, „Не сонъ мою головушку клонить“, „Какъ по травкѣ по муравкѣ“ и проч. Онъ помнилъ эти піесни еще съ дѣтства, когда жилъ въ деревнѣ „Никольское“ Тихвинскаго уѣзда, принадлежавшей моему дѣду. Мать моя тоже пѣла нѣкоторые русскія піесни. Я любилъ эти піесни, но въ народѣ слыхалъ ихъ сравнительно рѣдко, такъ какъ мы жили въ городѣ, гдѣ тѣмъ не менѣе мнѣ случалось ежегодно видѣть проводы масляницы съ поѣздомъ и чучелой. Деревен-

скую же жизнь я въ дѣтствѣ видѣлъ трижды: когда гостилъ два раза въ имѣніяхъ Тимиревыхъ—Бочевъ и Печневъ, и у Бровцыныхъ—не помню, какъ называлась деревня.

Я былъ мальчикомъ скромнымъ, хотя шалить и бѣгалъ, лазилъ по крышамъ и на деревья и дѣлалъ своей матери сцены, валяясь по полу съ плачемъ, если меня наказывали. Я былъ очень изобрѣтателенъ на игры, умѣлъ цѣлыми часами играть одинъ. Запрягая стулья вмѣсто лошадей и представляя кучера, я разговаривалъ самъ съ собою очень долго, какъ будто изображая діалогъ кучера съ баринкомъ. Я любилъ, подобно многимъ дѣтямъ, подражать тому, что видѣлъ; напр.; надѣвъ очки изъ бумаги, я разбиралъ и собиралъ часы, потому что видѣлъ занимающагося этимъ часового мастера. Обезьянничая своего старшаго брата Война Андреевича, бывшаго въ тѣ времена лейтенантомъ флота и писавшаго намъ письма изъ за границы, я полюбить море, пристрастился къ нему, не видавъ его; читалъ путешествіе Дюмонъ-Дюрвиля вокругъ свѣта, оснащать бригъ, игралъ, изображая изъ себя морехода; а прочитавъ однажды книгу „Гибель фрегата Ингерманландъ“, запомнилъ множество морскихъ техническихъ названій. Читая лекціи популярной астрономіи Зеленаго (мнѣ было лѣтъ десять-одиннадцать), я съ картой звѣзднаго неба разыскалъ на небѣ большую часть созвѣздій сѣвернаго полушарія, которыя и до сихъ поръ знаю твердо. Изъ книгъ я любилъ, кромѣ упомянутыхъ, „Лѣсного бродягу“—романъ Габр. Ферри—и многое изъ „Дѣтскаго журнала“ Чистякова и Разина, въ особенности повѣсть: „Святополкъ князь Липецкій“. Играя въ саду, я представлялъ, бывало, цѣлыя сцены изъ „Лѣсного бродяги“.

Я уже говорилъ, что музыку я не особенно любилъ, или, хоть и любилъ, но она почти никогда не дѣлала на меня сильнаго впечатлѣнія, или по крайней мѣрѣ слабѣйшее въ сравненіи съ любимыми книгами. Но ради игры, ради обезьянничанья, совершенно въ томъ же родѣ какъ я складывалъ и разбиралъ часы, я пробовалъ иной разъ сочинять музыку и писать ноты. При своихъ музыкальныхъ и вообще хорошихъ ученическихъ способностяхъ, вскорѣ я самоучкою дошелъ до того, что могъ сносно занести на бумагу наигранное на фортепьяно, съ соблюденіемъ вѣрнаго раздѣленія. Черезъ нѣсколь-

ко времени я началъ уже немного представлять себѣ умственно, не проигрывая на фортепьяно, то, что написано въ нотахъ. Мнѣ было лѣтъ одиннадцать, когда я вздумалъ сочинить дуэтъ для голосовъ съ аккомпаниментомъ фортепьяно (вѣроятно, по случаю Глинкинскаго дуэта). Слова я взялъ изъ дѣтской книжки; стихи, кажется, назывались „Бабочка“. Мнѣ удалось написать этотъ дуэтъ. Я припоминаю, что это было что-то достаточно складное. Изъ другихъ моихъ сочиненій того времени помню только, что я началъ писать какую-то увертюру въ 2 руки для фортепьяно. Она начиналась *Adagio*, потомъ переходила въ *Andante*, потомъ въ *Moderato*, потомъ въ *Allegretto*, *Allegro* и должна была кончиться *Presto*. Я не дописалъ этого произведенія, но очень тѣшился тогда изобрѣтенной мною формой.

Разумѣется мои учительницы не принимали никакого участія въ моихъ композиторскихъ попыткахъ и даже не знали о нихъ; я конфузился говорить о своихъ сочиненіяхъ, а родители мои смотрѣли на нихъ какъ на простую шалость, игру; да это въ то время такъ дѣйствительно и было. Сдѣлаться же музыкантомъ я никогда не мечталъ, учился музыкѣ не особенно прилежно, и меня плѣняла мысль быть морякомъ. Родители хотѣли отдать меня въ морской корпусъ, такъ какъ дядя мой Николай Петровичъ и братъ были моряки.

Въ концѣ іюля 1856 г. я впервые разстался съ матерью и дядей: отецъ повезъ меня въ Петербургъ, въ морской корпусъ.*)

*) Написано въ 1876 г.